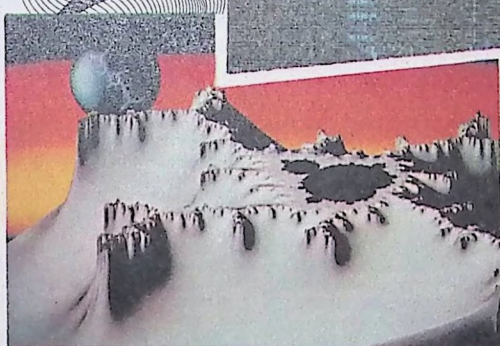
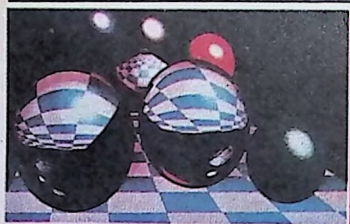
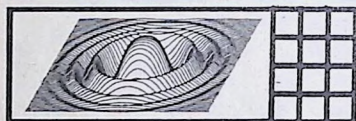
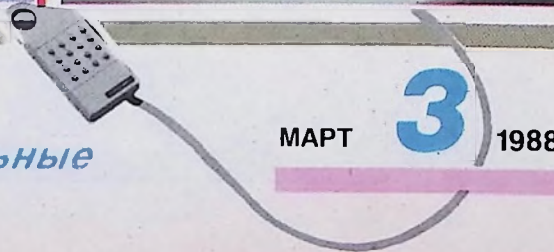

ПРИРОДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТЕХНОСФЕРА
БУДУЩЕГО—
интеллектуальные
системы

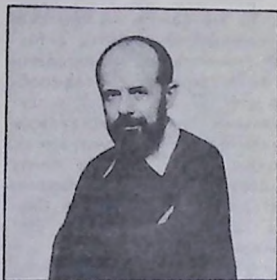

МАРТ

3

1988

МОДЕЛЬ МИРА У ОХОТНИКОВ

Владимир Рафаилович Кабо, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Занимается проблемами истории первобытной культуры. Автор монографий: Происхождение и ранняя история аборигенов Австралии. М., 1969; Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975; Первобытная доземледельческая община. М., 1986. Лауреат премии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР (1978). Неоднократно печатался в «Природе».

В ФЕВРАЛЕ 1987 г. автор этих строк встретился с известной австралийской поэтессой К. Уокер, делегатом проходившего в Москве международного форума «За безядерный мир, за выживание человечества». Кэт Уокер — представительница коренного населения Австралии. Будучи человеком современной европейской культуры, она в то же время является носителем живой культурной традиции своего древнего народа. Родилась она на о. Страдборк, лежащем у восточного побережья Квинсленда, в семье, сохранявшей пришедшие из глубины веков представления аборигенов о мире и месте в нем человека. Вот об этом она и рассказала. И ее рассказ, сопровождаемый схематическими рисунками, в которых выражалась самая суть мировосприятия аборигенов, помогает понять, как видели мир люди, жившие в условия каменного века.

Чтобы ввести своих слушателей в этот мир, она рисует систему из трех концентрических окружностей, которую называет «кругом жизни». Это — схематическое изображение структуры социальной общности, «социального пространства»¹. Вместе с тем здесь представлено и «социальное время», потому что схема, помимо пространственного, несет и временное измерение. Круг жизни символизирует не только социальную структуру общины, но и круговорот жизни во времени. Люди, умирая, возрождаются в новых человеческих существах, и жизнь общины, восстанавливаясь с каждым новым поколением, продолжается. Синхронная схема является в то же время и диахронной — вечным кругом жизни.

Система концентрических окружностей — один из самых распространенных и самых древних мотивов в искусстве аборигенов Австралии. Участники обрядов рисовали его на земле и на собственных телах. Мы встречаем его на наскальных изображениях и на чурингах — плоских овальных предметах из дерева или камня, олицетворяющих цепь перерождений человеческих существ. У каждого человека была своя чуринга, которая, когда он умирал, передавалась тому, в кого переходила его тотемическая сущность, в кого человек как бы перевоплощался. Вот почему изображение «круга жизни» на чуринге не случайно — в зримой форме оно передавало идею, заложенную в этом священном для аборигенов предмете.

Общество, еще не знавшее письменности, прибегало к различным графическим символам, и хотя их набор был сравнительно невелик, люди вкладывали в них все многообразие своих представлений о мире, все богатство своей духовной жизни. Система концентрических окружностей

¹ Интерпретация фантов и схем, сообщенных К. Уокер, принадлежит автору.

И СОБИРАТЕЛЕЙ

В.Р.Кабо

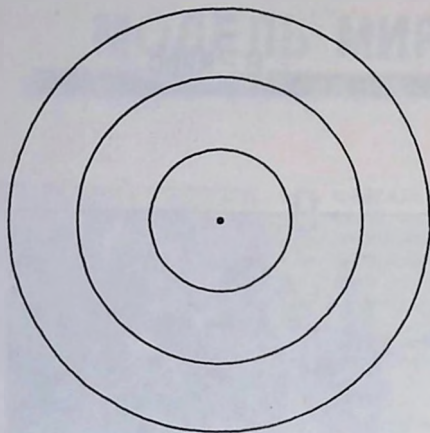

Аборигены Центральной Австралии вокруг изображенного ими на земле мифа о происхождении и странствиях тотемических предков. Показательно, что в самом расположении людей узнается мирообразующая модель из концентрических окружностей [из кн.: Rose F. Die Urenwohner Australiens. Leipzig, 1969].

символизировала место рождения человека или место происхождения его тотема, наконец, просто какое-то место в пространстве. По словам Н. Тиндейла, одного из знатоков традиционной культуры австралийских аборигенов, «во всех случаях здесь обобщена идея дома или места обитания»².

От одной системы концентрических окружностей к другой часто тянутся прямые или извилистые линии. Каждая линия представляет какое-то расстояние в традиционной системе мер, например дней пути. Среди петроглифов Центральной и Южной Австралии, а также Тасмании (этнически и культурно связанной с Австралией в далеком прошлом) есть немало подобных изображений. На скалах Маунт-Камерон-Уэст (северо-западная Тасмания) несколько малых

² Tindale N. B. Aboriginal Tribes of Australia. Berkeley, 1974. P. 38.

Схематическое изображение австралийской общины, основной социальной и производственной ячейки охотничье-собирающего общества (по рисунку К. Уокера). Во внутренней окружности находятся женщины и дети, между ней и средней окружностью — старейшины, между средней и внешней — взрослые мужчины. Точкой задан центр мира, символизирующий взгляд члена общины на окружающий его мир.

кругов выбиты внутри большего³. Это, по-видимому, символ нескольких малых общностей, входящих в более крупную. Исследователи обычно натуралистически интерпретируют такие графемы как попытки изобразить явления окружающего мира. Тем самым без всяких оснований отрицается способность людей каменного века к отвлеченному мышлению, абстрактному символизму.

Племя у аборигенов Австралии и других охотников и собирателей было аморфным социальным образованием, структура же общины, напротив, четко выраженной. Каждое племя расщеплялось на большое количество взаимозависимых общин, социально и хозяйственно автономных, обладающих собственными охотничьими угодьями; обычаи, обряды, религиозные верования, иногда языки (или диалекты) отличали одну общину от другой. Экономически и социально люди были прежде всего членами общины. Вот почему в традиционном охотничье-собирающем обществе социальный кругозор человека обычно ограничивался его общиной и ее ближайшими соседями, с которыми она поддерживала тес-

ные брачные, обменные и иные отношения. Представители обществ, расположенных вне зоны непосредственных межобщинных контактов, наделялись свойствами опасных существ, обладающих чуждыми, странными обычаями, говорящих на непонятных, «нечеловеческих» языках и потому не признаваемых полноценными людьми. Говоря о людях своей общины, австралийцы или бушмены зачастую только ее считали «своим народом», не признавали в качестве представителей собственного народа людей из отдаленных общин, даже если те говорили на том же языке. И то обстоятельство, что община была центром социального мира отдельного человека, накладывало печать на все его мировоззрение. Оно было этноцентричным или социоцентричным, причем под социумом здесь следует понимать прежде всего общину.

Исторически истоки этнических структур заложены в первобытной общине. Она выступает как общность, воспроизводящая себя из поколения в поколение биологически, психологически и культурно, как носительница культурного своеобразия, самосознания, иногда особого языка или диалекта, как общность, противопоставляющая себя другим общностям — иначе говоря, как самое раннее социальное образование, обладающее свойствами этноса.

Община была точкой отсчета в освоении мира — как практически-действенным, так и концептуальном. Не случайно К. Уокер в центре системы окружностей, символизирующей общину, изобразил точку — это не только центр социального мира аборигена, но и центр мироздания, ибо по образу общины моделируется весь окружающий мир. Система концентрических окружностей изображает не только общину, но и космос или социокосмос с мировой осью в центре. В представлении человека этого уровня общественной интеграции его социальный мир (его община и, быть может, группа тесно связанных общин) всегда расположен в центре мира. Человек обзревает мир как бы изнутри своей общины, в которой он рожден и где проходит большая часть его жизни. Осваивая мир, познавая свое природное и социальное окружение, человек взглядывается все дальше и дальше, его горизонты раздвигаются, и это находит свое зримое выражение в системе концентрических окружностей, подобных годовым кольцам дерева.

На геометрическое постижение пространства накладывалось социально-психологическое его освоение: самоопределение человека имело отчетливо выраженный лока-

³ Mulvaney D. J. The Prehistory of Australia. Harmondsworth, 1975. P. 170—171.

лизованный характер, оно ограничивалось общностью, к которой он принадлежал, и пределами обитаемой и осваиваемой ею территории.

Вернемся, однако, к рассказу К. Уокер об австралийской общине. До десятилетнего возраста мальчики находятся на попечении женщин, а затем их передают мужчинам, и их жизнь резко меняется. Они приучаются выполнять распоряжения старших, учатся самоконтролю, владению охотничьими и боевыми навыками, изучают мифологию, социальные и этические нормы. Все это и составляет основное содержание обрядов инициации, которые растягиваются на годы. Обряды происходят в специально выделенной для этого зоне на территории племени. Здесь пролегает «священный путь», как называет его К. Уокер, который проходят подростки. Ясно, что движение по «священному пути» следует понимать не буквально, а, скорее, символически, понятие «движения» здесь выражает процесс постепенного овладения знаниями и соответствующего возрастания социального статуса, превращения мальчиков в полноправных мужчин. Это и составляет сущность важнейшего социального установления — инициации. А последняя выступает вместе с тем метафорой «круга перерождений» — ведь в ходе инициации неофиты, согласно представлениям общества, «перерождаются» или «возрождаются» для новой жизни. В зоне, где происходят обряды инициации, подобные изображения чертятся на земле. Наша же схема, нарисованная на бумаге, не является только их копией. Конкретно-пространственное и конкретно-временное представление об инициации совмещено в этом случае с абстрактно-символическим его осмыслением. Это еще один

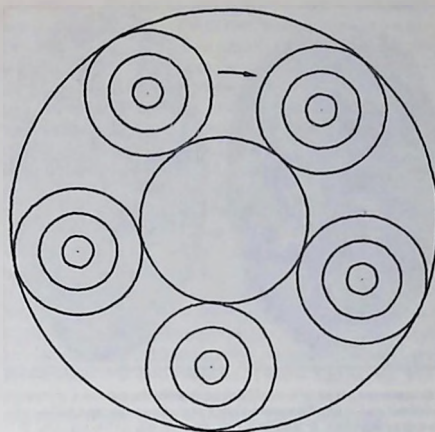

Схема хозяйственно-временного освоения общинной территории (по рисунку К. Уокер). Владения общины вокруг поселения представлены в виде кольца, ограниченного двумя большими окружностями, между которыми изображена сама община в виде уже знакомой нам системы концентрических окружностей. Стрелкой показано движение общины по своей земле.

пространственно-временной символ, еще одно свидетельство абстрактного мышления.

Теперь перейдем к важнейшему виду деятельности первобытной общины — экономическому освоению территории и хозяйственному циклу. Хозяйственное освоение земли — охота и собирательство, по словам Уокер, не является хищническим, напротив, оно имеет целью сохранение экологического равновесия. Исчерпав ресурсы, различные в данном природном цикле на одном из участков территории, загрязнив ее, а также в случае смерти кого-либо из своих членов, группа передвигается на новое место, чтобы через несколько природно-хозяйственных сезонов снова вернуться к исходной точке. За это время природные ресурсы успевают восстановиться. Охотники и собиратели постоянно в движении, и движение это совершается как бы по замкнутой окружности вокруг центра общинной территории, хотя в данном случае окружность выступает как идеальная, в известном смысле абстрактная модель. Третья схема отражает уже не отношения внутри первобытной социальной общности и не ритуальный процесс, а социально-экономический процесс и отношения социальной общности с окружающим природным миром. А все три схемы в совокупности — это некая обобщенная картина мира абorigена.

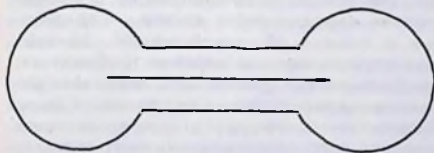

Схема инициации, нарисованная К. Уокер. Справа — круг мальчиков, слева — круг юношей, прошедших инициацию, между ними — «священный путь». Этот путь, занимающий в особой зоне на территории общины 1/4 мли, посвящаемые символически проходят за 8—10 лет, и по мере движения по нему и овладения новыми знаниями и навыками их социальный статус возрастает, пока, наконец, в 18—20-летнем возрасте они не покинут круг юношей «готовыми» мужчинами.

Священные чуринги из Центральной Австралии с символическими изображениями тотемических предков, их происхождения и девиц [из кн.: Mouniford Ch. P. Aboriginal Art. L., etc., 1961].

Факты, о которых шла речь, и многие другие, о которых за недостатком места здесь сказать невозможно, свидетельствуют о том, что аборигены обладают цельным мировоззрением, а их отношения друг к другу и к окружающей природной среде построены на разумных началах.

В первобытной общине как мирообразующей модели совмещены те три смысла, которые так емко выражает русское слово «мир»: мир как социальная общность, община; мир как отсутствие войны, как социальная среда, в которой преобладают гармонические, устойчивые отношения между людьми; и наконец, мир, как вселенная. Переходя от одного значения к другому, мы как бы следуем за древним сознанием, восходящим от социальной общности к космосу. Община была для этого сознания малым миром, микрокосмом, на котором строилась концепция большого мира — макрокосма.

Представление о поселении людей как круге (в тех случаях даже, когда в действительности оно имеет иную форму) глубоко укоренилось в человеческом сознании. Мы находим его у многих народов, например индейцев Северной Америки. Для одних представителей племени виннебаго деревня имела форму круга, где хижины располагались по всей площади, разделенной на две половины; другим людям того же племени оно представлялось в виде двух concentрических окружностей, причем хижины были вписаны во внутреннюю, а внешняя означала расчищенную землю, ограниченную лесом. Так в сознании членов

одного и того же племени, в зависимости от принадлежности их к разным социальным категориям (к той или другой половине племени) меняется даже структура поселения, хотя обе структуры восходят к общему архетипу, укорененному в общественном сознании, — кругу. К. Леви-Строс, анализируя этот случай, называет первую структуру диаметральной, а вторую — концентрической¹. Обе существуют реально — в Северной и Южной Америке, в Меланезии. Так, Б. Малиновский описывает деревню Омаракана на островах Тробриан. В плане деревня выглядит как система concentрических окружностей. В центре — площадь, место собраний и празднеств, вокруг нее — хранилища со священным ямсом (центральная, сакральная часть деревни), а вокруг них — семейные хижины (периферийная, профанная ее часть)². Тробрианцы — представители сравнительно развитой, земледельческой культуры. В принципе та же структура поселения, хотя более элементарная, характерна для многих охотников и собирателей. Так, в поселении андаманцев, коренных обитателей Андаманских о-вов, и семангов, живущих в глубине тропических лесов п-ова Малакка, семейные хижины располагались вокруг незастроенного пространства, где проводились общественные церемонии и обряды. Здесь же находился общий очаг. Если же возводилась одна общинная хижина, она была круглой в плане. Свободное пространство в центре ее, как и площадка посреди деревни, предназначалось для собраний и обрядов. Общинный очаг бывал и здесь. Иными словами, это было такое же поселение, но под одной крышей. То же самое — и у пигмеев мбути, живущих в бассейне р. Итури в Центральной Африке. Хижины мбути расположены по краю лесной прогоны и образуют окружность, в центре которой находится место проведения обрядов и других общественных мероприятий. Посреди стоянки нередко горит костер — средоточие и символ общинной жизни³. Во всех этих случаях, как и в деревне тробрианцев, центральная, священная часть поселения окружена периферийной, профанной. Центр общины — центр круга, отправная точка освоения и структурирования окружающего

¹ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 119—121.

² Malinowski B. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. Vol. 1. L., 1929. P. 10.

³ Подробнее см.: Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 88, 89, 119.

пространства. А сам кольцевой план жилища и поселений восходит еще к каменному веку. Осваивая пространство реально, практически, люди осваивают его и концептуально, перенося на него свои представления. Они, говоря словами Леви-Строса, «сознательно осуществляют проекцию в пространство схемы своих установлений»⁷. «На этом пути, — пишет Вяч. Вс. Иванов, — открываются очень обнадеживающие перспективы перед учеными, занимающимися той возникающей на наших глазах областью науки, которую можно было бы назвать геометрией социальных пространств. Ее предмет включает не только пространственные модели человеческих поселений — от изучаемых археологией и этнологией до современных сверхгородов — мегалополисов. Эта наука исследует и соответствующие биологические модели»⁸.

Характер освоения обитаемого пространства традиционным обществом, структура его поселений, утверждает известный историк религии М. Элиаде, все это отражение мифологической космогонии, во всем этом выражен космический символизм⁹. В действительности причинная зависимость здесь прямо противоположная — в основе космического символизма архаического социума находится сама его структура, отношение его к земле, к месту обитания, процесс освоения им пространства. Сакрализация пространства, о которой говорит Элиаде, имеет реальное, земное, социальное происхождение. Земная, социальная модель не является отражением представлений о космической модели, как полагает Элиаде, — напротив, концепция космической модели строится на основе реальной жизни первобытного общества, определяется условиями этой жизни, в том числе экологическими, имеет глубокие социально-исторические корни. Единство первобытной общины и земли, ею осваиваемой, имело важнейшее значение в мировоззрении первобытного общества.

Каково же происхождение древней графической символики, передающей образ мира? Археология каменного века, начиная с раннего палеолита, свидетельствует о сознательном, целенаправленном расчленении труда и всей общественной жизни в пространстве и времени, о «человеческом» по своему характеру освоении времени и прост-

ранства. Пространственную организацию этой деятельности можно выразить геометрически: в основном она была кольцеобразной (искусственное жилище часто круглое в плане, и осваиваемая людьми территория вокруг него) и линейно-радиальной (передвижения охотничье-собирательских групп от места обитания и обратно). Древнейшее в мире жилище в Олдувайском ущелье, в Восточной Африке, было круглым в плане — сохранился круг из камней, который, как полагают археологи, образовывал ограждение жилища. Возможно, круглая в плане форма обитаемого пространства — жилища и поселения — была наиболее экономичной и приспособленной к окружающему пространству, к экологическим условиям, эффективно защищающей от враждебного окружения. Такой характер эта пространственная организация сохраняет и у современных охотников и собирателей.

Таким образом, структура обитаемого пространства с глубокой древности строилась из следующих элементов: 1 — община как перичная и универсальная социальная общность, выделенная из окружающего социального мира; 2 — принадлежащая ей территория, выделенная из окружающего пространства; 3 — жилище небольшой родственной группы или семьи как пространство, вычлененное из этой территории.

Если эти три элемента говорят об освоении пространства, то четвертый — экологически обусловленная сезонность, циклическая хозяйственной деятельности — об освоении календарного времени. Освоение пространства и времени выразилось в изобразительной символике, широко распространенной в палеолите. Круги и концентрические окружности, спираль, меандр и лабиринт — все это символы «очеловеченных» пространства и времени, свидетельства сравнительно сложных отвлеченных представлений, сохраняющихся вплоть до этнографической современности. Многозначность и полифункциональность мотивов изобразительного искусства позволяли первобытному художнику ограниченными средствами отразить богатство и многообразие окружающего и его собственного внутреннего мира. В композиции из нескольких символических элементов могло быть зашифровано содержание целого мифа, целой системы представлений о мире. А символические графемы первобытного искусства, восходящие к древнейшим представлениям о мире, стали своего рода универсальными архетипами человеческой культуры.

⁷ Леви-Строс К. Указ. соч. С. 293.

⁸ Иванов Вяч. Вс. К. Леви-Строс и структурная теория этнографии // Там же. С. 406.

⁹ Eliade M. The Sacred and the Profane. The Nature of Religion. N. Y., 1957. P. 52—53.